

У Цзяньюэ едва успел схватить У Нина за руку. Тот вздрогнул, не ожидая, что старик окажется настолько прытким: не успел он и глазом моргнуть, как тот уже возник перед ним.

— Нет-нет, дедушка, — поспешно забормотал У Нин, пытаясь высвободиться. — Мне сейчас нужно в отдел расселения. Может, я вернусь позже и всё вам подробно расскажу?

Старик не разжал пальцев:

— Зачем тебе в отдел расселения?

— Хочу сменить общежитие, — честно ответил У Нин. — Иначе ночевать будет негде.

Старик одной рукой удерживал его, а другой указал вперед:

— Это сушие пустыки. Видишь вон тот ряд домиков? Если сегодня подробно расскажешь мне всё, что знаешь о маленьких хитростях земледелия, я устрою тебя в один из них. Отдельный дом с участком, два этажа, двести квадратов, плюс пятьдесят метров двора. Есть всё: лаборатория, оборудование для экстракции эликсиров. Ну как?

У Нин остолбенел. Неужели перед ним какой-то скрытый мастер, этаким монах в миру? Раз предлагают такие блага, грех не воспользоваться!

— Вы уверены, что дадите мне отдельный дом с участком? — с сомнением переспросил он.

Старик возмущенно вытаращил глаза:

— Мне за двести лет, неужели я стану обманывать какого-то мальчишку?

И то верно. Авторитетные люди в кланах дорожат своей репутацией, и вряд ли такой старец станет разбрасываться словами. У Нин решил довериться.

— По рукам. Отпускайте, я всё расскажу.

Старик тут же разжал пальцы и уставился на него с таким жадным блеском в глазах, словно волк увидел добычу, а пес — кость.

В прошлой жизни У Нин был главой Секты Укротителей Зверей, поэтому ему приходилось иметь дело с самыми разными тварями: от их гастрономических предпочтений до естественных врагов. А в эпоху совершенствования он даже прошел обучение в Секте Духовных Растений, чтобы отличать обычную траву от редких лекарственных компонентов, заодно освоив искусство выращивания зерновых. Поэтому он без малейшего напряжения

принялся излагать теорию земледелия так складно и логично, что старик слушал, разинув рот. Он был потрясен: парень перед ним казался настоящим гением, от которого исходило ослепительное сияние.

Через два часа у У Нина пересохло в горле, он взмок, и как раз когда собрался закругляться, маленькая черная змея свалилась у него с головы и зашипела. Старик едва не подпрыгнул от неожиданности, переводя взгляд с гадины на У Нина:

— Малыш, это твой зверолюд?

Змея показалась ему знакомой. Неужели та самая?

У Нин глянул на питомца: бедняга совсем привял на солнце, даже шипел едва слышно. Он привычно подцепил змейку за хвост и поднял перед лицом старика:

— Это не зверолюд. Это мой сын.

Старик присмотрелся. Точно, та самая!

— Ты уверен, что это твой сын? Ты сам-то выглядишь совсем юным. По законам Империи совершеннолетие в восемнадцать, а брак регистрируют с двадцати. Тебе хоть есть двадцать?

О небеса! Как эта змея попала к этому мальчишке? И кто он такой? Теорию земледелия знает на отлично, духовной силы вроде нет, но рядом с ним почему-то так легко дышится.

У Нин не моргнув глазом соврал:

— Дедушка, ну что вы такое говорите! Конечно, я уверен. Если бы он не был моим сыном, разве был бы он со мной так близок? Ладно-ладно, больше не могу, два часа прошло, сын на солнце совсем зачих. Давайте скорее с общежитием, нам нужно искупаться. А что до земледелия — если переваришь всё, что я сказал, гарантирую, вырастишь отличный урожай.

Маленькая черная змея и впрямь выглядела вялой, а её чешуя от жары блестела, как начищенная. Старик прихватил свою тятку:

— Пошли, отведу тебя к домику.

— Благодарю, дедушка! — У Нин вскочил, подхватил змею и вещи и зашагал следом.

Отдельный дом оказался именно таким, как обещал старик: небольшой дворик, два этажа. На первом — гостиная, кухня и санузел, на втором — зона отдыха, лаборатория и экстрактор. Это

было вдвое просторнее того жилья, что он делил с У Цзяньюэ. У Нин остался доволен.

Старик спросил его имя и номер студенческого, пообещав сам уладить все формальности. Перед уходом он оставил ему несколько целебных трав и две ампулы питательного эликсира.

У Нин набрал воды, бросил туда змею, а сам вскрыл ампулу и влил содержимое в рот себе и питомцу.

— Фу!

— Бэ!

Они одновременно выплюнули жидкость. Черная ампула, зеленая жижа, а на вкус — смесь земли, гнилой рыбы и тухлых креветок. Вкус был многослойным: сначала один, потом другой, а после проглатывания — третий, еще хуже.

Голодная змея жалобно посмотрела на У Нина. Тот не мог допустить, чтобы его драгоценное чадо страдало.

— Не бойся, малыш, — прошептал он. — Папа сейчас закажет в сети что-нибудь вкусненькое и сам тебе приготовит. Скажу по секрету, овощи я, может, и не мастер готовить, но в супах, тушеном мясе и жарком мне нет равных во всем мире!

Маленькая черная змея замерла. Этот глупый человек сошел с ума? Называет себя отцом? Что за зверь такой — отец, его вообще едят?

У Нин открыл торговую площадку на оптическом компьютере и ахнул: цены кусались. Килограмм оленины — восемьсот кредитов, говядина — семьсот пятьдесят, свинина — триста. Овощи вообще стоили безумных денег — тысяча за килограмм обычной зелени.

Он проверил баланс: тридцать два кредита и восемьдесят центов. На листик салата не хватит. У Нин глубоко вздохнул и отфильтровал товары подешевле. Оказалось, что мутировавшее мясо и овощи стоят копейки — просто то, что он смотрел раньше, было натуральным, без мутаций. Мутировавшая оленина стоила десять кредитов, говядина — семь, свинина — один-два кредита, а огромный пакет овощей — десять.

У Нин был беден, но смел. Раз это продают в сети, значит, это съедобно и не убьет. Он набрал продуктов на тридцать кредитов, оформив доставку в школу — полчаса ожидания.

Пока мясо было в пути, он взял лекарственные травы, оставленные стариком. Выглядели они чахлыми, почти дохлыми. У Нин поморщился и, сосредоточившись, направил внутреннюю духовную энергию в ладони. Травы, впитав её, прямо на глазах пошли в рост.

У Нин замер. Выходит, после того как он начал практиковать и пробудил Священный корень древесного духа, всё, к чему он прикасается, начинает расти как на дрожжах?

Он не успел додумать, как зазвенел компьютер. У Нин положил травы на стол и принял вызов. На голографическом экране возник Гу Минцань, его единственный друг и однокурсник. Лицо его было бледным от беспокойства:

— У Нин, ты где? Скорее возвращайся! Твой брат У Цзяньюэ объединился с Ли Сымином с факультета командования и подал жалобу руководству. Они требуют отчислить всех студентов-медиков факультета растениеводства, у которых теория ниже восьмидесяти баллов и кто не может приготовить даже низкосортный успокаивающий эликсир. Они заявили, что такие люди недостойны быть целителями. Факультет принял их условия. Ты — первый в списке на отчисление!

<http://bllate.org/book/22112/2301661>